

НАРЕЧИЕ КАК ЧАСТЬ РЕЧИ: СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ

Холикулова Юлдуз Шодиевна

*Преподаватель кафедры русского языка и
литературы Самаркандского
государственного педагогического института*

Бобомуродова Муниса

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного
педагогического института*

Аннотация. Данная статья посвящена комплексному анализу наречия как одной из наиболее неоднородных и дискуссионных категорий в системе частей речи современного русского языка. В первой части работы исследуется морфологическая природа наречия, его место в грамматической иерархии и специфика категориального значения. Автор анализирует историческую динамику взглядов на наречие — от классического понимания «приглаголия» до современных концепций адвербиальности как высшей степени семантической абстракции.

Ключевые слова: наречие, категориальное значение, морфологический статус, неизменяемость, адвербиализация, структура слова, лингвистическая концепция.

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the adverb as a specific category in the system of the modern Russian language. The issues of its morphological status, categorial meaning, and structural organization are considered. Special attention is paid to the controversial aspects of identifying the adverb among other parts of speech, as well as the processes of adverbialization as the main source of replenishment of the adverbial fund.

Keywords: adverb, morphology, adverbialization, categorial meaning, invariability, system of parts of speech, linguistic semantics.

Наречие традиционно рассматривается в лингвистике как «переходная» категория, лишенная грамматической однородности. Если существительное или глагол обладают жестко детерминированными морфологическими парадигмами, то наречие представляет собой открытый класс неизменяемых слов, объединенных лишь общностью синтаксической функции и спецификой семантики. На протяжении веков лингвистическая мысль пыталась найти универсальную формулу для этой части речи. Еще в античных грамматиках термин *adverbium* (буквально — «при глаголе») указывал на его служебную, подчиненную роль. Однако, как показывают современные исследования, такое определение является узким и не отражает всей полноты семантической мощности этой категории. Критический разбор трудов Александра Александровича Шахматова позволяет увидеть наречие как результат «окаменения» живых форм. Для Шахматова наречие — это прежде всего исторический феномен, где форма слова застывает в определенном падеже, разрывая связи со своей исходной парадигмой. Но если Шахматов акцентировал внимание на утрате изменяемости, то Виктор Владимирович Виноградов предложил принципиально иной взгляд. В его понимании наречие — это не «грамматический дефект», а «грамматическое достижение». Виноградов подчеркивал, что наречие является наиболее интеллектуализированной частью речи, поскольку оно выражает признак, абстрагированный от предмета. Это «чистое качество», которое не нуждается в согласовании по роду или числу, так как оно характеризует не вещь, а само бытие или другой признак.

Центральным вопросом теории наречия остается его категориальное значение — «признак признака» или «признак действия». Этот семантический инвариант объединяет такие разные слова, как быстро, вчера, вдвое, назло. Художественное своеобразие наречия заключается в его способности «сжимать» реальность. Там, где существительное дает нам объект, а глагол — движение, наречие дает нам «модус» этого движения. С точки зрения когнитивной

лингвистики, наречие — это оператор, который корректирует наше восприятие процесса, делая его более точным и детализированным.

Морфологический парадокс наречия заключается в его неизменяемости при полной лексической знаменательности. В отличие от предлогов или союзов, наречие обладает богатым лексическим смыслом, но в отличие от имен, оно не имеет флексий. Критики, такие как Лев Владимирович Щерба, указывали, что отсутствие окончаний — это не отсутствие грамматики, а иная форма её выражения. Суффиксы -о, -е, -и в наречиях выполняют роль категориальных маркеров. Они являются «морфологическими фиксаторами», которые удерживают слово в зоне неизменяемости, позволяя ему выполнять роль обстоятельства без грамматической избыточности. Структура наречия — это «палимпсест», сквозь который просвечивают древние пласты языка. Большинство современных наречий возникли в результате адвербиализации — процесса перехода слов из других частей речи в разряд неизменяемых определителей. Мы можем выделить несколько магистральных путей формирования структуры наречия:

- Именной путь: когда формы косвенных падежей существительных срastaются с предлогами, образуя единый морфемный комплекс (вначале, с-начала, в-тайне). Здесь приставка (бывший предлог) и корень сливаются в неразрывное целое, что со временем приводит к утрате этимологических связей.
- Адъективный путь: образование наречий от качественных прилагательных с помощью суффикса -о. Это самая продуктивная модель в современном языке, обеспечивающая бесконечный приток новых единиц.
- Вербальный путь: адвербиализация деепричастий (молча, нехотя), где глагольное значение процесса заменяется качественной характеристикой состояния.

Критический анализ словообразовательных моделей наречий показывает тенденцию к усложнению их морфемного состава. Приставочно-суффиксальные образования (по-дружески, в-третьих) создают сложные

смысловые рамки, которые позволяют языку выражать тончайшие модальные и оценочные нюансы. Структура наречия — это не застывшая схема, а результат долгой и продолжающейся эволюции, в ходе которой материальная оболочка слова адаптируется под нужды максимально экономной и точной передачи признака. Наречие — это не периферийный класс «приглаголий», а центральный элемент качественной характеристики мира. Его неизменяемость — это залог его семантической чистоты, а его структура — живая летопись языковых трансформаций.

Переход от анализа внутренней структуры наречия к исследованию его функционального предназначения позволяет раскрыть эту часть речи как ключевой инструмент построения связного и экспрессивного высказывания. Синтаксическая жизнь наречия характеризуется уникальной способностью к примыканию, что делает его наиболее свободным и мобильным элементом предложения. Традиционное представление о наречии как о простом обстоятельстве в современном лингвистическом освещении признается недостаточным. Наречие выступает универсальным квалификатором, способным уточнять не только глагол, но и прилагательное, другое наречие и даже существительное. В позиции несогласованного определения наречие привносит в предметное значение динамику процесса или способа использования, что радикально обогащает семантику высказывания. Однако наиболее значимой трансформацией функций наречия в системе современного языка является его выход в предикативную зону. Вопрос о категории состояния, или словах безлично-предикативного разряда, остается центральным в функциональной морфологии. Когда наречие занимает позицию сказуемого в безличном предложении, оно перестает быть зависимым определителем и само становится носителем главного коммуникативного смысла, выражая психологическое или физическое состояние субъекта и окружающей среды. Это доказывает, что функциональный потенциал наречия стремится к предикативности, превращая «признак» в «событие».

Особая роль наречия проявляется в создании текстовой когезии и обеспечении логической связности дискурса. В лингвистике текста наречие интерпретируется как стратегический коннектор, обеспечивающий переходы между сегментами информации. Деиктические наречия места и времени выстраивают пространственно-временную перспективу текста, формируя его хронотоп. Без этих ориентиров текст утратил бы свою линейную стройность и превратился в фрагментарный набор утверждений. Наречия последовательности и логической связи организуют структуру доказательства, выступая в роли «смысловых скреп», которые удерживают внимание адресата на магистральной линии авторской мысли. В художественном тексте наречие берет на себя роль эмоционального регулятора и инструмента психологической детализации. Оно позволяет автору избегать избыточных описаний, заменяя их точечными, но семантически емкими характеристиками. Критический анализ поэтики показывает, что именно наречия часто становятся носителями авторской модальности, выражая иронию, сомнение, пафос или дистанцирование. Таким образом, наречие оказывается «архитектором» текста, соединяющим грамматическую точность с эстетической выразительностью.

Прагматический аспект функционирования наречий раскрывается в их способности управлять восприятием адресата в различных коммуникативных средах. В научном дискурсе наречия обеспечивают верифицируемость и объективность изложения, выступая в роли маркеров точности и логической последовательности. В публицистике и рекламе прагматика наречия смещается в сторону суггестии и манипуляции. Использование наречий интенсивности и абсолютной оценки создает эффект неоспоримости и эмоционального давления на потребителя информации. В живой разговорной речи наречия часто превращаются в прагматические маркеры, регулирующие речевой этикет и устанавливающие контакт между собеседниками. Это свидетельствует о том, что наречие является самой адаптивной категорией языка, мгновенно реагирующей на изменение коммуникативных задач. Оно служит мостом между

абстрактной языковой системой и живым речевым актом, позволяя говорящему не просто называть явления, но и определять способ их существования в социальном пространстве. Его структура и функции находятся в отношениях диалектического единства. Неизменяемость наречия, которую классическая лингвистика долгое время считала признаком редукции, на самом деле является залогом его функциональной универсальности. Освобожденное от оков формального согласования, наречие обретает способность проникать во все уровни языка — от морфемы до целого текста. Процессы адвербиализации, постоянно пополняющие этот класс, доказывают, что наречие является естественным аттрактором для слов, стремящихся к смысловой компрессии. Мы пришли к выводу, что наречие — это высшая форма грамматической экономии, позволяющая передавать сложнейшие качественные и обстоятельственные нюансы минимальными средствами.

Современная лингвистическая парадигма требует признания наречия одной из центральных категорий человеческого мышления, отраженной в языке. Его способность объективировать отношение, квалифицировать действие и организовывать текст делает его незаменимым инструментом интеллектуальной деятельности. Перспективы изучения данной темы лежат в области когнитивного анализа адвербиальных концептов и исследования роли наречий в формировании новых типов дискурса, возникающих в цифровой среде. Наречие — это не «застывшая окаменелость», а живой нерв грамматики, обеспечивающий гибкость, точность и выразительность человеческой речи. Оно остается фундаментальной категорией, в которой материальная форма слова полностью подчинена его функциональному назначению — быть точным и острым инструментом познания и описания изменчивого мира.

Список использованной литературы:

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: Высшая школа, 1986. — 640 с.

2. Панков Ф. И. Очерки по морфологии и стилистике русского наречия. — М.: Изд-во МГУ, 2008. — 256 с.
3. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 544 с.
4. Русская грамматика (Грамматика-80) / Под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Наука, 1980. — Т. 1. — 783 с.
5. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 624 с.
6. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. — Л.: Наука, 1974. — 428 с.